

М.М. КИРИЛЛОВ

ДЕТКИ, МАТЕРИ

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ

Михаил Кириллов

Детки и матери

«Нордмедиздат»

2015

Кириллов М. М.

Детки и матери / М. М. Кириллов — «Нордмедиздат», 2015

ISBN 978-5-457-90182-7

Книга очерков и рассказов под названием «Детки и матери» включает произведения автора, посвящённые событиям разных периодов в жизни страны, но объединённых темой детства и материнства. Особняком стоит очерк о военном детстве и фронтовиках. Наше время – трудное и для детей и для матерей. Громадный советский опыт сохраняет своё значение и сейчас, но проблемы детства и материнства продолжают требовать постоянного внимания. Читателями книги могут быть все, кого заинтересует её тема, и, может быть, особенно, молодые родители, детские психологи, педиатры и историки. Сведения об авторе: доктор медицинских наук, профессор, один из руководителей клиники внутренних болезней Саратовского военно-медицинского института и Саратовского государственного медицинского университета с 1966-го года по 2010-й год, Заслуженный врач России, писатель.

ISBN 978-5-457-90182-7

© Кириллов М. М., 2015

© Нордмедиздат, 2015

Содержание

Лошадиный хвост	5
1944 год, московский дворик	7
На прожекторном заводе	8
Кафедра детских болезней (1953–1956 гг.)	9
Спящий ангел	11
Рыбонька моя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Кириллов

Детки и матери

Посвящаю моим внукам

Лошадиный хвост

Рассказ

Телега скрипела и медленно ползла по дороге. Интересно было смотреть, как вода выплёскивается из-под колёс в колею на дороге. Я, мама, отец и мой братик Саша двух лет ехали от железнодорожной станции в деревню на отдых. Было это где-то в Тверской области, ранней осенью 1937-го года. Мне было тогда около 5 лет. А дом наш оставался в Москве, в Лефортово.

Вскоре показалась деревня: всего-то 3–4 дома. Она стояла на пригорке. Внизу, за кустами, виднелась речка.

Остановились у высокого крыльца дома. Меня сняли с телеги. Передо мной возвышался высокий бревенчатый дом почему-то на сваях. Брёвна были тёмные от дождя. Лошадь с телегой отвели вглубь двора и распрягли. Лошадь пила воду из ведра и жевала сено. Всё это я видел впервые. Вокруг стояла тишина, какой в городе никогда не было.

В доме тоже было тихо. Окна были меньше городских окон, к которым я привык, и в избе было темно. Горела керосиновая лампа. В то время электричества в деревнях ещё не было. Топилась печка. Смотреть, как огонь лижет и сжигает поленья, было очень интересно. Хозяева (друзья моих родителей), к которым мы приехали на отдых, угостили меня парным молоком и разрешили залезть на печку. Там было тепло и я, утомившись в дороге, быстро заснул. Накормили и Сашу. Он не слезал с маминых рук.

Проснувшись, я спустился во двор и отправился гулять. В глубине двора по-прежнему стояла лошадь. У сарая высилась большая поленица дров, заготовленная на зиму. В сарае стояла корова.

Сразу за воротами шла дорога, ещё мокрая после дождя. Низко весели тёмные облака. Трава была скошена и убрана в стожки. Людей не было. Мне казалось, что я на краю Земли. В городе я всегда был среди детей. Рядом с нашим домом шумели трамваи и автомобили. По утрам гудели заводские гудки. По радио звучала музыка и привычной была громкая речь взрослых людей. А здесь всё как будто умерло.

Поодаль стоял ещё один дом, тоже на сваях, но и в нём никого не было. Ближе к реке виднелись как будто вросшие в землю ветхие низкие хозяйственные постройки и заборы. Речка, такая же чёрная, как небо, неслышно текла куда-то за деревню. Безлюдье. Скорее всего, это была не деревня, а хутор. Да и что я тогда в этом понимал. Но тоску и какую-то безысходность запомнил.

Побродив в одиночестве по дороге и вокруг дома, я подошёл к лошади, стоявшей во дворе. Лошадь была большой, сильной и красивой. Белая, а грива и хвост – рыжие. Прежде я никогда не видел лошадей, да ещё так близко, разве что на картинках в книжках. Конечно, то были лошади Ворошилова и Будённого – командиров Красной армии. наших любимых командиров-героев.

Лошадь стояла спокойно, понуро опустив голову. Может быть, она спала. Меня привлёк её большой хвост. Я подошёл поближе. Хвост свисал почти до копыт. В волосах его запутались колючки и листья. Когда лошадь переминалась с ноги на ногу, хвост её слегка вздрагивал и раскачивался. Наблюдать за этой картиной было любопытно. Я погладил хвост.

Волоски были жёсткие, и схватить их моими маленькими пальчиками не получалось. Тогда я стал дёргать их снизу. Дёрнул несколько раз. Лошадь не реагировала. Видно, ей не было больно.

В это время я услышал, как на крыльце вскрикнула мама. Вскрикнула и молча побежала по ступенькам вниз. Бегом пересекла двор, схватила меня и оттащила от лошади. Она так испугалась, что поначалу не могла говорить. Я, конечно, не понимал, что случилось. Лишь когда мы оказались в избе, она, прижимая меня к себе, немного поплакала, но меня не ругала. Она вообще меня никогда не ругала, а только разговаривала. Успокоившись, она объяснила мне, что лошадь могла меня лягнуть копытом и убить. Я лошадь дразнил, а она же не знала, кто стоит у неё за хвостом. Лошадь ведь не человек. Долго мы сидели тогда, обнявшись с мамочкой. На улице уже стемнело, а мы всё сидели и сидели.

Мама неожиданно вспомнила, как, ещё в конце 20-х годов, находясь на студенческой стажировке на Урале, в городе Ирбите, пережила подобное же происшествие в детском доме. Она тогда училась в Педагогическом институте имени А.И.Герцена в Ленинграде на дошкольном факультете.

Она рассказала мне, что, зайдя как-то в спальную комнату девочек, она увидела в проёме открытого окна (а это был третий этаж дома) стоявшую безо всякой опоры малышку в одном платьице. Перед подоконником стоял стул, по которому девочка и забралась к окну. Увидев это, мама, по её словам, онемела и не могла голосом остановить ребёнка, перехватило горло. Она пробежала комнату и, поскольку руки её тоже не слушались, схватила девочку зубами за подол платьица и стащила её к себе на руки. Она пояснила мне: за маленькими детьми нужно смотреть, не ухаживать, а буквально ходить рядом. К тому времени прошли уже несколько лет, но мама рассказывала мне об этом с таким волнением, словно это было только вчера.

Конечно, я проникся её тревогой и заботой обо мне и потом так близко к лошади уже не подходил. И всё-таки, лошадь была очень красивой. Позже я мечтал иметь своего собственного жеребёнка и даже рисовал его в своём альбоме.

Что я тогда знал о своей маме? Почти ничего. Просто мы были с ней одно целое. Так было и всю последующую жизнь. Мама есть мама. А тогда ей было всего 30 лет (а отцу – 33). Перед самой войной у нас родился ещё один братик – Вовочка. Много позже я понял, что наша мама, как всякая мама, – святая.

Мы погостили в той деревне ещё несколько дней. Распогодилось. Поднялось небо, посветлели стены изб, высохли лужи на дороге. Мы ходили в лес и собирали грибы. Спускались к речке, но не купались, так как вода была холодна. Надышались вдоволь перед возвращением в задымлённую Москву.

Пришло время, и мы уехали на станцию на той же лошади, запряжённой в ту же телегу. Отвозил нас хозяин. Хвост и копыта лошади были рядом, но, сидя с мамой, я уже ничего не боялся.

Март 2015 г.

1944 год, московский дворик

Рассказ

Шла война. Среди мальчишек нашего двора в Москве, в Лефортово, в 1943–1944 годах самым маленьким был младший сын семьи Шмелевых, имени которого я уже не помню. Было ему не больше 5 лет, и все ребята звали его «Дуче» из-за того, что он был толстым и напоминал Муссолини, таким, как того изображали в карикатурах.

Было мне в то время 11 лет. Мой отец (начальник производства) и отец мальчика (шофер грузовой машины), работали на военном заводе, занятом тогда выпуском артиллерийских снарядов, а также артиллерийской оптики для пушек. Завод был рядом, за забором.

У меня было два братика: Саша, 7 лет, и Володя, 3 – х лет. Наша мама болела туберкулезом и уже больше года лежала в больнице. А у Дуче были и мама, и старший брат, Валька, мой сверстник. Время было трудное, но детское. Война была рядом, но и для детства оставляла некоторое пространство.

В 1943-м году отпраздновали окончание Сталинградской битвы и с чердака полюбовались первым в Москве салютом (по случаю победы на Курской дуге). Мы были уверены, что товарищ Сталин победит фашистов и играли во дворе в победоносную войну. С нами везде была и малышня, и Дуче тоже. Я уже год, как вступил в пионеры. Старший из нас был Димка Ершов. Он и был заводилой, другие были помоложе и почти одногодки (Березовский, братья Темновы, Сахаров, Рызванович, Северов). Мы, школьники, посещали раненых в госпиталях, читали им стихи, убирали стеклотару на военном аптечном складе.

Многие семьи ждали своих родных с фронта. На заводе мужчин было мало, только те, у кого была бронь. Изредка во двор возвращались раненые на костылях. Похорожки приходили, а похорон я не помню.

Питались плохо, хотя хлеба нам дома хватало: у нас было три детские карточки. Все тогда жили одинаково плохо: и рабочие, и инженеры. Богатых не было. А Дуче как был толстяком, так и оставался таким. Наверное, он не мог похудеть при любом питании. Нрава он был доброго, дружил со всеми и с девчонками тоже. Смешной такой. И мы его любили, и бабушки души в нем не чаяли. Большим удовольствием было для них потискать его, сказать что-нибудь ласковое и при случае угостить конфеткой. Тогда выпускались «подушечки», конфеты без фантиков.

Так мы и жили. Но вдруг, где-то в августе 1944-го года, случилось несчастье. Дуче отравился арбузом и уже в больнице умер. Не усмотрели домашние. Мальчик съел испортившийся арбуз. На похороны детей не пустили. Горе поселилось во дворе. Нелепость какая-то. Детское горе измерить трудно. У детей долго не бывает собственных потерь, и каждая такая потеря кажется им собственной маленькой смертью.

Среди ребяташек во дворе был мальчик чуть старше меня – Витя Чибисов. Мы вместе были в эвакуации на Урале и вместе вернулись в наш двор. Отец его был комиссаром партизанского соединения и был убит в бою. Эту семью и на заводе, откуда он ушел на фронт, и во дворе, где они жили, очень уважали. Витьку ставили в пример и жалели его. Для нас это тоже было горе, мы знали его отца-командира, но потерять нашего Дуче, этот кусочек жизни, для нас было тяжелее, словно это мы его не уберегли.

На прожекторном заводе

Рассказ

Закончилась учеба в 7-м классе. Это было в 1947-м году. Учился я в Измайлово. Мне дали похвальную грамоту. Но на выпускной вечер я пойти не смог. Причина была та же: в семье не было денег, и я не мог внести взнос. Было очень обидно. Но делать было нечего.

Вскоре отец устроил меня на Прожекторный завод, где у него было много знакомых инженеров. Завод располагался на шоссе Энтузиастов. Направили меня в конструкторское бюро, там, в громадной комнате за кульманами, трудилось до десятка инженеров. Дали мне втулку с заданием сделать ее чертеж в трех проекциях. Я старался, но получалось топорно.

Все здесь было для меня интересно, но особенно жадно я вглядывался в жизнь завода, с удовольствием ходил по цехам, выполняя отдельные курьерские поручения. Чертить же мне не очень нравилось, хотя я видел, какие чертежные шедевры выходили из-под рук взрослых мастеров. Поражала меня их необыкновенная сосредоточенность и терпение в работе над ватманами. В конструкторском бюро всегда стояла тишина.

Относились ко мне хорошо, по-отечески, работать особенно не заставляли. Мне нравилось в обеденный перерыв вместе с ними есть свой небольшой завтрак (кашу из обжаренной муки с хлебом), запивая чаем, который заваривался для всех. Завтрак перед уходом на работу мне давали дома. Кашу почему-то называли «кашей Маро». Правда, очень трудно было дожидаться этого перерыва, так хотелось есть, а одному есть было неудобно.

В перерывах между маленькими чертежными заданиями я бегал в заводскую библиотеку, благо она располагалась на этом же этаже, забирался в глубокие кожаные кресла и, забывая обо всем, читал книги Жюль Верна, Фенимора Купера, Майн Рида, Марка Твена. Сотрудники конструкторского бюро снисходительно и ласково посмеивались над моим увлечением, предлагая мне рассказывать о прочитанном, и я с удовольствием делился впечатлениями. Здесь от меня для них было больше пользы, чем от черчения и затачивания карандашей. Отцу, который иногда забегал на завод, они меня хвалили. Я был очень горд тем, что самостоятельно зарабатываю деньги. Так продолжалось целых два месяца – все лето. А братья, Саша и Володя, были в заводском пионерском лагере под Москвой.

Осенью мне пришла повестка с завода о получении заработной платы. Пришлось съездить в заводскую бухгалтерию. Заработанные 50 рублей отдал матери. В своей дальнейшей жизни я очень обязан этой прививке уважения к труду и принадлежности к рабочему классу. И отцу – тоже.

Кафедра детских болезней (1953–1956 гг.) Очерк

1953 г. 4-й курс Военно-медицинской Академии им. С.М.Кирова. Началось изучение нами детских болезней.

Соответствующая кафедра располагалась на улице Боткинской. Атмосфера на кафедре была какой-то теплой: такими были её преподаватели, отовсюду слышались голоса детей.

Профессор М.С.Маслов, начальник кафедры, генерал-майор м/с был тогда главным педиатром Министерства Обороны. Молчаливый, внимательный, с прокуреными усами, он никогда не повышал голоса.

На кафедре мне почему-то сразу понравилось. Я решил, что буду педиатром. Может быть, я вспомнил, как в эвакуации ухаживал за младшими братьями? Подумав, я записался в кружок.

Им руководил кандидат медицинских наук подполковник Георгий Николаевич Гужиенко, спокойный и доброжелательный человек. Он дал мне тему для моих наблюдений, подсказал, какой литературой воспользоваться. Тема называлась: «Содержание хлоридов в крови и моче у детей, больных аллергическими заболеваниями (ревматизмом, пневмонией и бронхиальной астмой)». В то время все эти заболевания относились к аллергическим. Научные исследования проводились мною на фоне текущих занятий по детским болезням. Когда курс шел строем на лекцию по улице, а я выбегал и заскакивал в детскую клинику по своим лабораторным делам, остряки вслед мне кричали: «Кириллов пошел меконий титровать!» (меконий – это фекалии плода). Анализы я делал в кафедральной лаборатории. Для них мне нужны были раствор хлористого аммония и аргентум нитрикум. Это реактивы для определения хлоридов. Сложность была в том, чтобы взять кровь (сыворотку) из вены и собрать суточную мочу. Кровь брали сестры для других целей, а заодно и для меня. А как соберешь мочу?! Я приходил вечером, и, отозвав в сторону какого-нибудь Витеньку или Виталика, 3-х-5 лет, просил их писать только в свой горшок, а не в унитаз, причем целый день или хотя бы полдня. Сколько попадало в штаны, когда ребенок не добежал до горшка, оставалось неизвестным (!). С девочками было проще, они были послушнее и меньше отвлекались. Дело шло. Очень помогало внимание Гужиенко. Он подбадривал, объяснял и подсказывал. На заседаниях кружка, а было там, таких как я, слушателей пять, он часто говорил о том, что нам предстоит в дальнейшей службе в войсках. «Если Ваш коллега в медпункте вечерами сидит дома или ходит в кино, не считайте его хуже себя. Просто он т а к счастлив, – говорил он. Если Вы пропадаете в библиотеке, или спешите в лабораторию с пробирками, и это делает Вас счастливыми, не считайте себя лучше тех, кто этим не занят. Нужно выбирать хомут по себе. Если хомут тесен, он натрет шею. И его нужно снять. Если хомут слишком велик, с ним намучаешься. Нужно подыскать хомут себе по шее, но уже тогда не жаловаться, а терпеть, поскольку это и есть – т в о е счастье». Говоря это, он улыбался.

Мудрый был человек и добрый, этот Георгий Николаевич. В сущности, хоть он и не был терапевтом взрослых больных, он стал моим первым профессиональным учителем. Позже я видел его дважды. Лет через 10 в окне троллейбуса на Литейном проспекте и еще позже в окне электрички в Парголово. Оба раза мы узнали друг друга и успели помахать рукой. Жаль. Я бы мог тогда сказать ему, что нашел свой хомут, свое трудное счастье. Работу я сделал и написал большую статью в сборник трудов Академии. Ее прочел Маслов, вызвал меня к себе и спросил сквозь усы: «Сам написал?» И похвалил. Я был единственным, кто из кружковцев довел дело до конца. В 1954 г. работа вышла в тезисах, а в 1956 г. в Трудах Академии под

тем же названием и без соавторов. Спустя много лет об этой работе уважительно отзывались даже некоторые видные нефрологи.

Спящий ангел

Рассказ

Вспоминается случай из моей ранней войсковой военной практики. Как-то летом ко мне обратилась бабушка из подъезда нашего дома в Рязани. Она была обеспокоена тем, что ее двухлетняя внучка уже двое суток спит. Девочка, по словам бабушки, кашляла, и врач батальона, осмотрев ребенка, назначил, наряду с другими лекарствами, таблетки кодеина – по одной три раза в день. Бабушка эти таблетки добросовестно давала своей внучке два дня подряд. К концу второго дня ребенок действительно перестал кашлять, но стал сонливым и, наконец, заснул совсем.

Я осмотрел малышку. Она выглядела здоровенькой, в легких выслушивалось везикулярное дыхание совершенно без хрипов. Животик был мягкий, температуры не было. Спящий ангел! Мне стало ясно, что сон – результат передозировки кодеина, обладающего, как известно, наркотическим действием. Врачом была назначена взрослая доза препарата. Так батальонный врач лечил кашель у солдат-десантников. Он не знал или забыл детские дозы лекарств. В сущности, произошла врачебная терапевтическая ошибка, хотя и неумышленная. Батальонный врач в обычной жизни был хороший парень, смелый парашютист, но вот так ошибся. Бабушке я всего этого, конечно, не рассказал. Правильнее было бы, конечно, вызвать бригаду скорой медицинской помощи, но я поступил иначе – велел больше это лекарство ребенку не давать и заверил, что к вечеру девочка начнет просыпаться и кашлять больше не будет. Заглянув к ним вечером, убедился, что девочка проснулась и чувствует себя хорошо. Михаилу (так звали доктора) я конечно «врезал».

Этим примером я хотел подчеркнуть нестандартность врачебных обязанностей врача вообще и войскового, в частности, и, прежде всего, безотказность.

Вспомнились слова В.Гюго из романа «Отверженные»: «Если у священника двери дома должны быть всегда открыты, то у врача они никогда не должны запираются».

Рыбонька моя Рассказ

За перегородкой номера городской бани хорошо слышен ласковый голос женщины, видимо обращенный к ребёнку, которого она моет. «Рыбонька ты моя!» Слышен плеск воды, восклицания малыша. Какая нежность! С такой нежностью говорят только матери.

В здешнем посёлке с горячей водой плохо, и жители ходят в городскую баню. В гостиничном номере, где я поселился, вода всегда только холодная. Вот и пришлось посетить баню.

Прохлада бани по выходе на улицу сменилась страшной жарой, столь обычной для Южного Поволжья в июле. До гостиницы нужно было идти метров 500. Зной. Трава вокруг пожухла. Дождей здесь, видно, не было давно. Тень под редкими деревьями не спасала.

Я быстро догнал медленно шедших впереди женщину и её спутника – мальчонку двух-трёх лет. Чистенький такой, в штанишках и в белой панамке. Женщина вела его за руку и о чём-то с ним разговаривала. Голос её показался мне знакомым: ну конечно, это она за стенкой душа так нежно обращалась к невидимому мне ребёнку. Замедлив шаг, я с интересом посмотрел на неё. Женщина, молодая и миловидная, была беременна. Это было заметно.

В командировке в этом городке я пробыл уже дней десять и ни с кем ещё не познакомился. Работа с моими стажёрами в медпунктах воинских частей, посещение столовой Военторга, ночёвка в гостинице, – вот и всё. В номере не было даже телевизора. Зато на первом этаже гостиницы допоздна шумела ресторанная музыка, мешая спать.

Пока шли вместе, я заговорил с женщиной. Русая, сероглазая и общительная, она нравилась мне. Спросил: «Как здесь живётся местным? Кто она?» Она отвечала охотно, с улыбкой: «Я из деревни, что в пяти километрах от КПП этого режимного военного городка. Устроилась год назад уборщицей в гарнизонную гостиницу. Это было непросто: в городке вакансий нет. Старшую девочку оставила в деревне у матери. Там же муж – механизатор. Раз в неделю она ходит к себе домой. У них там – корова, куры, хозяйство. Мать, ещё не старая женщина, работает в совхозе, и ей тяжело. Поэтому пришлось взять с собой младшего, мальчика. Живёт в общежитии для персонала, спят оба на одной кровати. Там же его вещи и игрушки. Днём обычно берет сынишку с собой в гостиницу. Заведующая разрешила. Из деревни за это приходится приносить ей продукты. В каптёрке, посреди сменного белья, есть у них топчан, где малыш днём спит. Здесь он и играет. Здесь они и едят. Иногда мальчик выходит в коридор, в комнаты для гостей и наблюдает, как она моет полы. Это когда с этажа уходит заведующая». По мере рассказа весёлость её постепенно оставляла.

«Командированные гости не пристают, видя, что с ребёнком. Зарплата маленькая, но всё же подспорье. О том, что она беременна, узнала поздно. Не следовало бы, тем более, что муж хоть и любит, но, как теперь говорят, «любовь делит». Завелась у него какая-то женщина на стороне. Иногда бьёт её. Так что, живот растёт и страх растёт. Что-то будет дальше?» Здесь она даже чуть всплакнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.